

ИСТОРИЯ

Еще раз о войне

Артем Петрович Сбоев был на войне в 1942-1944 годах в составе соединений Волховского, Ленинградского и 3-го Прибалтийского фронтов. Я попросила ветерана вспомнить военное лихолетье и вот что услышала.

— В мае 42-го я поступил в Черкасское пехотное училище, которое на период войны располагалось на окраине Свердловска. Проучился я там два с половиной месяца. Нас учили ползать по-пластунски и бегать в полной выкладке. И вот однажды ночью просыпаемся. Что такое? Шум стоит, офицеры бегают. А наутро всех курсантов одели с иголочки — и шагом марш на станцию. Погрузили в теплушку и повезли на передовую. Потом мы узнали, что наше и еще два или три училища спешно бросили на фронт по приказу главнокомандующего Сталина, а необходимость этих действий была вот в чем: надо было предотвратить переброску немецких войск с Ленинградского фронта к Сталинграду. Ну, привезли нас на передний край, к Синявинским высотам, дали задание окопаться. Окопаться не успели. Пришел бронепоезд, отстрелялся и ушел. И тут немцы стали по нам колотить. Они на высотах, а мы на открытых полях. Нам дали команду «Вперед!», и мы пошли в бой, необстрелянные. В первом же бою меня ранило. Я на три месяца попал в госпиталь.

— Как в 1942 году была вооружена Красная Армия?

— У солдата были каска, винтовка, противогаз. Автоматы появились в 43-м. Сначала ППШ с круглыми магазинами на 70 патронов, потом пошли автоматы с рожковыми магазинами. ППШ — оружие тяжелое, непрактичное и неудобное. Немцы же были вооружены автоматами изначально.

— Они умело воевали?

— Условия у них были другие. Мы перед боем получали паек на трое суток и тут же его съедали. А у немца в мешке всегда имелись выпивка и закуска. Кстати, нам в 42-м году перед боем спиртное не давали, а давали в 43-44 годах, но не во всех войсках. Кормили кое-как различными кашами. Бывало, давали конину. Одн раз, помню, повар вез кухню. Лошадь убило. Пока повар ходил, от кобылы остались только хомут да сбруя. А варили мы мясо в котелке так. Вот снаряд от 43-миллиметровой пушки. Он небольшой. Порох в нем, как макароны, такой длинный. Зажжешь одну «макаронину», она горит, не вспыхивает, только дымок черный идет. Через 5-10 минут котелок закипает.

А вот после прорыва блокады пищи было завались. Повар привезет кухню — никто не ест. Трофеев много. Немцы

после прорыва блокады целые склады с едой оставляли.

— А с баней как?

— Никак. Мы вообще не мылись. И никто не смердил и не болел. Я за всю войну мылся лишь дважды: в 42-м и 44-м после ранений в медсанбате.

А спали мы в траншеях когда стоя, когда лежа. Если есть землянка — в землянке. Уставали так, что как только объявляли привал, все тут же засыпали.

Раз спасли меня от смерти. Я траншею подрыл под свой рост и забрался отдохнуть. Каска на мне была. И тут обстрелян Глыба — 50-60 см земли — рухнула на меня и прижала. Хотели ее разбить, чтобы достать меня, а она давит все сильнее и сильнее. Потом траншею вырыли по глубже и вытащили меня волоком. Спасла каска.

— Смерти боялись?

— Нет. Обычно сидишь в траншее, слышишь: снаряд летит, понимаешь куда: то ли он до тебя не дойдет, то ли через тебя перелетит, а то ли к тебе. Такой вот инстинкт выработался.

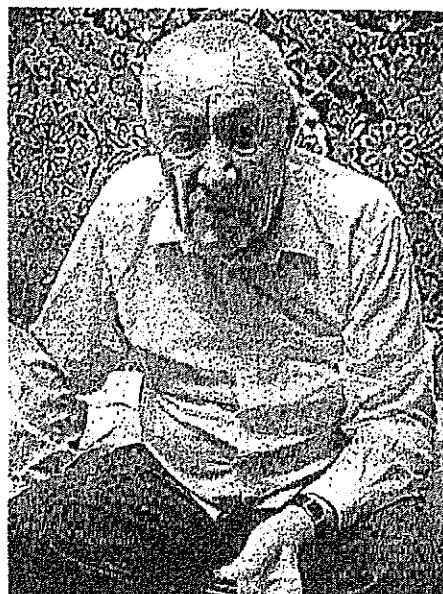
Во время войны я всего одного немца один на один убил. Вопрос стоял так: либо я его, либо он меня. Немцы отступали, мы бросились за ними вдогонку. Я на дорожку выскочил, а там фашист с женским браунингом стоит. Если бы он повернулся ко мне раньше, вы бы сейчас со мной не разговаривали. Я прижал врага автоматом, взял его пистолетик и выстрелил в голову. А власовцы попадались!

Видят, дело порохом пахнет, руки поднимают: «Я же русский». «А в меня чего стрелял?» В расход.

Еще расскажу вот чего. Однажды после прорыва блокады мы отдыхали. Я стоял у землянки. Подходит офицер. «Кто? Откуда?» — спрашивает. Я представился, а он: «Передайте своему командиру роты, что отправили вас в штаб дивизии». Зачем? Чего? Я не знал. Оказалось, надо участвовать в соревнованиях по бегу. Бежали вокруг прудов. Выпустили 100 человек. Я по дивизии занял 1-е место.

— А с женщинами как на войне дело обстояло?

— У нас женщин не было даже на кухне. А вот случай. Расположились мы в землянках. На вахте стоит часовой. Вдруг вижу, бегут две девушки, а за ними солдаты. Ловят их. Девушки в землянку шик, и солдаты туда. Вахтенный сначала вы-

стрелил в воздух, а потом одного солдата пристрелил.

— Дружба на фронте ценилась?

— Кто находился бок о бок — знакомились, договаривались выручать, не оставлять. Люди были разные. Попадались и нацимены хорошие, и русские хуже всякого Якова.

А рассказать вам, как воевали киргизы, казахи, узбеки? Вот их в отделении 5-6 человек. Если одного ранило, все нераненные кричат и, если есть воронка рядом, падают в нее головой вниз. И пойми, кто у них ранен.

— Некоторые фронтовики уверяют, будто в войну не было штрафбатов?

— Были. Я сам находился в заградотряде, но своих не убивал. При наступлении с переднего края многие бежали. Их собирали в кучу, а что потом делали — не знаю.

— Вы с боевыми товарищами переписываетесь?

— Нет. У меня на войне был планшет с фотографиями ребят из учебной роты. Я ведь учился в Ленинграде на курсах младших лейтенантов. Когда меня ранило во второй раз, планшет утерялся.

— Как во время войны работал НКВД?

— Меня как-то уговаривали доносить. Отказался, мол, не могу. Тормошили, вызывали месяц.

— В фильмах о войне много реального?

— Много. Реально, как наши брали немцев в плен и как немцы — наших. Как обращались с пленными. Как ходили в разведку.

— Благодаря чему наша страна выиграла войну?

— Благодаря характеру русского мужика.
Беседовала Ольга ОРЛОВА.
Фото автора.